

Л. М. Чичагов

Талергофский Альманах

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. М. Чичагов**
Талергофский Альманах: Выпуск 1 / Л. М. Чичагов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-458-53907-4

ISBN 978-5-458-53907-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такъ, съ первыхъ-же сполоховъ бури, заранѣе обреченная на гибель, вся вѣрная національнымъ завѣтамъ, сознательная часть мѣстнаго русскаго населенія была сразу-же объявлена внѣ всякаго закона и щита, а вслѣдъ за этимъ и подвергнута тутъ-же безпощадной травлѣ и бойнѣ. По отношенію къ этимъ — по государственной логикѣ Австріи — завѣдомымъ и обязательнымъ „измѣнникамъ“ и „шпіонамъ“ — „руссофиламъ“ — всѣ экстренныя мѣры воздѣйствія и мести стали теперь, внѣ обычныхъ нормъ и условій культуры и правопорядка, умѣстны, цѣлесообразны и хороши. Всѣ наличныя средства и силы государственной охраны и власти, вся наружная и тайная полиція, кадровая и полевая свора жандармовъ, а даже отдѣльные воинскіе части и посты, дружно двинулись теперь противъ этихъ ненавистныхъ и опасныхъ „тварей“ и стали бѣшено рыскать по несчастной странѣ безъ всякой помѣхи и уады. А за ихъ грозными и удобными спинами и штыками привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь отъ торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякій ужъ частный австрофильскій накипень и сбродъ, съ окаяннымъ братомъ-изувѣромъ — Каиномъ несчастнаго народа — во главѣ..

И это послѣднее уродливое явленіе, ужъ помимо самой сущности вещей, слѣдуетъ тутъ выдвинуть съ особымъ возмущеніемъ и прискорбіемъ на видъ, на позоръ грядущимъ поколѣніямъ, на проклятіе отъ рода въ родъ! Потому что, если всѣ чужіе, инородные сограждане наши, какъ евреи, поляки, мадьяры или нѣмцы, и пытались тутъ всячески тоже, подъ шумокъ и хаосъ военной разрухи, безнаказанно свести со своимъ безпомощнымъ политическимъ противникомъ свои старыя споры и счета или даже только такъ или иначе проявить и выместить на немъ свой угарный „патріотическій“ пылъ или гнѣвъ вообще, то все-таки дѣлали все это, какъ ни какъ, завѣдомо чужіе и болѣе или менѣе даже враждебные намъ элементы, да и то далеко не во всей организованной и сплошной своей массѣ, а только, пожалуй, въ самыхъ худшихъ и малокультурныхъ своихъ низахъ, дѣйствовавшихъ къ тому-же большей частью по прямому наущенію властей или въ стадномъ порывѣ сфанатизованной толпы. А между тѣмъ, свой-же, единокровный братъ, вскормленный и натравленный Австріей „украинскій“ дегенератъ, учтя исключительно удобный и благоприятный для своихъ партійныхъ происковъ и пакостей моментъ, возвелъ всѣ эти гнусныя и подлые навѣты, надругательства и козни надъ собственнымъ народомъ до высшей, чудовищной степени и мѣры, облекъ ихъ въ настоящую систему и норму, вложилъ въ нихъ всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой злобный, предательскій ядъ. И мало, что досыта, въ волю — доносами, травлей, разбоемъ — надъ нимъ надругался, гдѣ

могъ, что на муки самъ его предалъ и злостно ограбилъ до тла, но наконецъ даже, въ добавокъ, съ цинической наглостью хама, пытается вдругъ утверждать, что это онъ самъ пострадалъ такъ жестоко отъ лютой австрійской грозы, что это ему именно принадлежитъ этотъ скорбный, мученическій вѣнецъ... А дальше ужъ, въ злостномъ бреду и цинизмѣ, вѣдь, некуда, не съ чѣмъ идти!

Возвращаясь къ самимъ событіямъ, приходится прежде всего отмѣтить, что началось дѣло, конечно, съ повсемѣстнаго и всеобщаго разгрома всѣхъ русскихъ организацій, учреждений и обществъ, до мельчайшихъ кооперативныхъ ячеекъ и дѣтскихъ приютовъ включительно. Въ первый-же день мобилизаціи всѣ они были правительствомъ разогнаны и закрыты, вся жизнь и дѣятельность ихъ разстроена и прекращена, все имущество опечатано или расхищено. Однимъ мановеніемъ грубой, обезумѣвшей силы была вдругъ вся стройная и широкая общественная и культурная организованность и работа спокойнаго русскаго населенія разрушена и пресѣчена, однимъ изувѣрскимъ ударомъ были разомъ уничтожены и смяты благодатные плоды многолѣтнихъ народныхъ усилій и трудовъ. Всякій признакъ, слѣдъ, зародышъ русской жизни былъ вдругъ сметенъ, сбитъ съ родной земли...

А вслѣдъ за тѣмъ пошелъ ужъ и подлинный, живой погромъ. Безъ всякаго суда и слѣдствія, безъ удержу и безъ узды. По первому нелѣпому доносу, по прихоти, корысти и враждѣ. То цѣлой, гремящей облавой, то тихо, вырывочно, врозь. На людяхъ и дома, въ работѣ, въ гостяхъ и во снѣ.

Хватали всѣхъ сплошь, безъ разбора. Кто лишь признавалъ себя русскимъ и русское имя носилъ. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка изъ Россіи. А то просто кто лишь былъ вымѣченъ, какъ „руссофилъ“.

Хватали, кого попало. Интеллигентовъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, здоровыхъ и больныхъ. И въ первую голову, конечно, ненавистныхъ имъ русскихъ „поповъ“, доблестныхъ пастырей народа, соль галицко-русской земли.

Хватали, надругались, гнали. Таскали по этапамъ и тюрьмамъ, морили голодомъ и жаждой, томили въ кандалахъ и веревкахъ, избивали, мучили, терзали, — до потери чувствъ, до крови.

И, наконецъ, казни — висѣлицы и разстрѣлы — безъ счета, безъ краю и конца. Тысячи безвинныхъ жертвъ, море мученической крови и сиротскихъ слезъ. То по случайному дикому произволу отдѣльныхъ звѣрей-палачей, то по гнуснымъ, шальнымъ приговорамъ нарочитыхъ полевыхъ лже-судовъ. По нелѣпѣйшимъ провокаціямъ и доносамъ, съ одной стороны, а чудовищной жестокости, прихоти или ошибкѣ, съ другой. Море крови и слезъ...

А остальных потащили съ собою. Волокли по мытарствамъ и мукамъ, мучили по лагерямъ и тюрьмамъ, вновь терзая голодомъ и стужей, заводя лишеніями и моромъ. И, словно въ адскомъ, чудовищномъ фокусѣ, согнали, сгрузили все это, наконецъ, въ лагерѣ пытокъ и смерти — приснопамятномъ Талергофѣ, по проклятому названію котораго, такимъ образомъ, и возглавляется нынѣ настоящій пропамятный альманахъ.

*

Печальная и жуткая это книга. Потрясающая книга бытія, искуса и мукъ многострадальной Галицкой Руси въ кошмарные дни минувшаго грознаго лихолѣтія. Прославный памятникъ и скорбный помянникъ безвинно выстраданной ею искупительной, вечерней жертвы за Единую, Святую Русь!

Завѣтная, пропамятная книга. Конечно, пока-что она далеко еще не закончена, не полна. Еще много въ ней пробѣловъ и изъяновъ, а даже, можетъ быть, ошибокъ вообще. Цѣлые округи и періоды, многія подробности и черты — за отсутствіемъ свѣдѣній и справокъ — въ ней пока пропущены совсѣмъ. Нѣкоторыя данныя, въ особенности — изъ современныхъ газетъ, недостаточно проверены и, можетъ быть, не точны и, смутны. И, наконецъ, въ ней вовсе нѣтъ еще надлежащей исторической цѣльности и призмы, нѣтъ стройности и глади вообще. Лишь сырой и отрывочный сборникъ черновыхъ матеріаловъ и датъ. Но все это нисколько не измѣняетъ самой сущности и вѣрности вещей. Но все-таки уже вполне сквозить и оживаетъ вся общая картина во всей своей ужасной яркости и широтѣ.

И эта жуткая и скорбная картина такъ грозно вопіетъ сама ужъ за себя!

Ю. Яворскій.

Д-р Васи́лий Рома́нович Ва́врик.
Талерговец, изве́стный обще́ственный дѣятель и пи́сатель
1964.

Выпускъ первый.

**КЛАДБИЩЕ ВОЗЛЕ ТЕРЕЗИНСКОЙ КРЕПОСТИ.
Здесь покоятся жертвы австро-венгерского террора времен 1914-
1917 гг. и жертвы гитлеровских злодеяний времен II-ой Мировой
Войны.**

ПЕСНЬ ТЕРЕЗИНА

1914-1917 гг.

Ой, цісарю, цісароньку,
На що нас карбуєшь,
За яку провину в тюрьмах
Мучишь і мордуєшь.

Ой, скажи нам, цісароньку,
Чим ми провинились,
За що в мурах і болоті
Ми тут опинились?

Предисловіе къ первому выпуску.

Предлагая благосклонному читателю первую книгу о страданіяхъ русскаго народа Прикарпатя во время мірового пожара, мы должны предупредить его, что въ этой книгѣ будетъ отведено мѣсто только тому историческому матеріалу, который въ воображеніи читателя долженъ нарисовать яркую и полную картину австро-мадьярскаго террора, творившагося надъ русскимъ народомъ у него дома, въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, въ самомъ началѣ великой войны, въ 1914 году. Введемъ его пока въ тотъ первый періодъ войны, который въ отношеніи Галичины ознаменовался поспѣшнымъ отходомъ австро-мадьярскихъ войскъ за р. Сянъ, и дальше за Дунаецъ. Дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ побуждающихъ обстоятельствъ является то, что этотъ періодъ, хотя и связанъ въ многихъ случаяхъ органически съ понятіемъ концентраціонныхъ лагерей для русскихъ людей въ глубинѣ Австріи, въ общей сложности всѣхъ тяжелыхъ явленій безпощадной кровавой расправы и при той безбрежной широтѣ мучительной картины пчеловѣческаго издѣвательства и политическаго террора надъ неповиннымъ русскимъ народомъ, несравненно грандіознѣе и ярче въ исторіи обширнѣйшей мартирологіи карпаторусскаго народа во время войны, чѣмъ са-

мая ужасныя минуты страданій десятковъ тысячъ русскихъ во всѣхъ концентраціонныхъ австрійскихъ лагеряхъ. Талергофъ, Терезинъ, Вѣна и другія мѣста заключенія русскихъ страдальцевъ — это все-таки извѣстная система террора, въ нихъ были опредѣленныя условія, была своя форма, однимъ словомъ — все то, что легче даея формально установить и опредѣлить. Ибо одно указаніе на характерныя явленія, съ особенной яркостью выдѣлявшіяся на фонѣ мученической жизни заключенныхъ, даетъ уже представленіе о цѣломъ комплексѣ тѣхъ факторовъ, благодаря которымъ приходилось страдать талергофцамъ или терезинцамъ физически и нравственно. А наоборотъ, весь ужасъ и мученія, перенесенныя русскимъ населеніемъ въ Австро-Венгріи, главнымъ образомъ, на первыхъ порахъ войны, т. е. до момента вытѣсненія русской арміей австро-мадьярскихъ войскъ за Дунаецъ и по ту сторону Карпатскаго хребта, не имѣли предѣла: это была сплошная полоса неразборчиваго въ средствахъ, безсистемнаго террора, черезъ которую прошло поголовно все русское населеніе Прикарпатя.

Черная гроза военнаго и административнаго австро-мадьярскаго террора, клекотавшая надъ русскимъ населеніемъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси въ этотъ первый періодъ войны, была

настолько свирѣпа, что вполне подтвердила то мнѣніе, какое постепенно стало утверждаться за испытанными первыми ея приступы, а затѣмъ очутившимися въ концентраціонныхъ лагеряхъ въ глубинѣ Австріи, какъ о болѣе счастливыхъ...

Слишкомъ велики и безконечно жестоки были страданія карпато-россовъ въ этотъ первый періодъ войны на ихъ-же прадѣдовской землѣ, у нихъ-же дома. На нихъ мы должны остановиться ближе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ каждымъ годомъ, отдѣляющимъ наши дни отъ того жестокаго въ исторіи русскаго народа времени, память о немъ начинаетъ тускнѣть и затираться въ народномъ сознаніи.

А къ тому-же, въ то время, какъ о ужасахъ концентраціонныхъ лагерей писалось сравнительно много въ началѣ войны въ русской, швейцарской, итальянской, французской и даже нѣмецкой (соціалистической) печати, а послѣ войны появились болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ галицко-русскихъ и американскихъ печатныхъ изданіяхъ, — о австро-мадьярскихъ звѣрствахъ надъ неповиннымъ ни въ чемъ русскимъ населеніемъ, находившимся подъ властью Австріи, совершаемыхъ на мѣстахъ, писалось очень мало и къ тому-же случайно, отрывочно, а главное — противорѣчиво. Всѣ тѣ случайныя свѣдѣнія объ этомъ жестокомъ періодѣ, какія попадали въ печать, не могли претендовать на полноту и элементарную безпристрастность именно потому, что были современными и писались въ исключительно болѣзненныхъ общественныхъ условіяхъ, въ обстановкѣ непосредственнаго военнаго фронта. Современныя газеты сплошь и рядомъ нестрѣли по поводу каждаго отдѣльнаго случая этой разнузданной рас-

правы свѣдѣніями беззащитно тенденціознаго характера. Той преступной крайностью грѣшила, за рѣдкими исключеніями, особенно галицкая польская и „украинская“ печать. Въ ней вы напрасно будете искать выраженія хотя-бы косвеннаго порицанія массовымъ явленіямъ безцеремонной и безпощадной, безъ суда и безъ слѣдствія, кровавой казни нашихъ крестьянъ за то только, что они имѣли несчастье быть застигнутыми мадьярскимъ или нѣмецкимъ (австрійскимъ) полевымъ патрулемъ въ полѣ или въ лѣсу и при допросѣ офицера-мадьяра или нѣмца, непонимавшаго совершенно русскаго языка, пролепетали фатальную фразу, что они всего только „бѣдные русскіе“! А что послѣ этого говорить о такихъ случаяхъ, когда передъ подобными „судьями“, по доносу въ болѣе или менѣе случаевъ жалкаго „людца“ — мазешица, цѣлыя села обвинялись въ открытомъ „руссофильствѣ“? Не рѣдко кончались они нѣсколькими расстрѣлами, а въ лучшемъ случаѣ сожженіемъ села. Широкая публика объ этомъ не могла знать подробно въ тѣ знойные дни всеобщаго военнаго угара, а еще меньше она знаетъ сейчасъ.

И поэтому ясно сказывается именно та необходимость, чтобы раньше, чѣмъ писать объ ужасахъ Талергофа, и на эту кровавую полосу страданій русскаго народа у подножья родныхъ Карпатъ бросить больше свѣта и попристалинѣе взглянуть на нее. Она настолько выразительна и, пожалуй, исключительна въ исторіи недавней военной мартирологіи Европы, что было-бы замѣтнымъ упущеніемъ съ нашей стороны, не остановиться на ней ближе въ отдѣльной первой книгѣ, не указать на то, что не только предварило Талергофа, и ему сопутствовало, но было куда ужаснѣе Талергофа. Объ этомъ и будетъ

говорить предлагаемая первая часть „Талергофскаго Альманаха“.

Въ этой книгѣ читатель найдетъ разнородный матеріалъ, правдиво и рельефно рисующей грозную картину страданій Галицкой и Буковинской Руси, а сложившійся изъ политико-общественныхъ очерковъ, статей, отрывковъ изъ дневниковъ разныхъ лицъ и, наконецъ, изъ беллетристическихъ рассказовъ и стихотвореній, написанныхъ на фонѣ переживаній обездоленнаго народа въ первомъ періодѣ войны. Отъ его вниманія не ускользнетъ тоже явное указаніе на то, кто изъ сосѣдей и даже родныхъ братьевъ сознательно прилагалъ свою руку къ этому страшному преступленію австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ надъ нашимъ народомъ.

И только въ послѣдующихъ выпускахъ „Талергофскаго Альманаха“ будемъ постепенно знакомить нашего читателя съ дальнѣйшей исторіей жестокаго мученія окраинной, Карпатской Руси, со всѣми ея подробностями; посвятимъ серьезное вниманіе непрекращавшемуся ужасу надъ русскимъ народомъ и въ другихъ періодахъ войны, какъ тоже на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ Карпатъ, вдали отъ прадѣдовской земли. Въ нихъ мы отведемъ достаточное мѣсто описанію мученическаго заточенія сознательнѣйшей части карпато-русскаго народа въ Талергофъ, Терезинъ и др. концентраціонныхъ лагеряхъ въ глубинѣ Австро-Венгріи и въ то-же время въ отдѣльномъ выпускѣ постараемся вернуться къ гому жуткому австро-венгерскому террору, какой съ половины 1915 года, послѣ отхода русскихъ войскъ изъ предѣловъ Карпатской Руси за р. Збручъ и Стырь, съ новымъ ожесточеніемъ бушевалъ повсемѣстно въ русской Галичинѣ и Буковинѣ.

Принимаясь за работу надъ составленіемъ „Талергофскаго Альманаха“, мы здѣсь въ общихъ чертахъ указали на порядокъ и схему нашего труда. Изъ этого читатель видитъ, что въ немъ не объ одномъ Талергофѣ будетъ рѣчь. Наша задача значительно шире и многостороннѣе. Почему и названіе нашей книги о страданіяхъ карпато-русскаго народа во время великой міровой войны является лишь символическимъ, относительнымъ. Оно заимствовано изъ одной лишь частности мартирологіи нашего народа, по своей яркости оказавшейся до извѣстной степени отличительнымъ, послѣвоеннымъ внѣшнимъ признакомъ для русскаго національнаго движенія въ Прикарпаты. Характерная частности, указанная въ заглавномъ мѣстѣ нашей книги, должна быть глубоко-мысленнымъ идейнымъ символомъ для общей картины, рисуемой нами въ отдѣльныхъ выпускахъ „Альманаха“.

Никто не скажетъ, что наша задача легка. Она и тяжела, и глубокоотвѣтственна. Здѣсь мы должны охватить и передать отдѣльные и знаменательныя явленія этого жуткаго для нашего народа времени и изъ обилія тысячныхъ случаевъ безчеловѣчнаго насилія соткать вѣрную и яркую памятную картину того, какъ страдалъ карпато-русскій народъ во время войны, подъ игомъ б. Австро-Венгріи.

Наша задача тяжела еще потому, что она прежде всего отвѣтственна, какъ передъ лучшимъ будущимъ нашего народа, такъ тѣмъ болѣе передъ великой памятью его мученическаго героизма, проявленнаго имъ въ неравной борьбѣ съ безпощаднымъ и сильнымъ противникомъ за свои основныя права сознательной націи. Это обстоятельство и требуетъ отъ насъ, чтобы составленная нами мартирологія карпато-россовъ была

въ то-же время и книгой глубокаго національнаго воспитанія будущихъ поколѣній нашего народа.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что фактическій матеріалъ, собранный въ настоящей книгѣ далеко еще не полный и не исчерпывающій вполнѣ данную жуткую историческую картину, но въ этомъ виноваты, съ одной стороны, весьма скудные матеріальныя средства, которыми располагала въ дальномъ отношеніи редакція, съ другой-же—

достойная сожалѣній инертность или запуганность самихъ участниковъ и жертвъ данныхъ историческихъ событій, не снѣвшихъ своей обязанности передать и запечатлѣть ихъ письменно для памяти грядущихъ поколѣній. Эти невольныя упущенія и изъяны будутъ пополняемы, въ мѣру полученія новыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, въ дальнѣйшихъ выпускахъ книги, въ качествѣ особыхъ приложений, а, можетъ быть, даже въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ и дополненій.